

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020753-4

Вячеслав Иванов и феномен байронизма: аспекты свободы

© 2022 г. Я. Ю. Муратова

Кандидат филологических наук,
доцент Литературного института имени А.М. Горького,
Россия, 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25
Y_Muratova@mail.ru

Резюме. В статье исследуется своеобразный взгляд Вяч. И. Иванова на феномен байроновского творчества, а именно на проблему свободы и ее специфические формы, выразившиеся в байронизме. Приводится романтическая “типология” свободы, выраженная в терминах “freedom”, “liberty”, “independence”. Отмечается, что Байрон в русской культуре воспринимается изначально через пушкинскую оценку, где есть и восхищение “певцом свободы”, и подражание, и критическое отношение к “мрачному характеру” байронических героев. Пушкинская линия в отношении к байроновскому наследию будет воспринята и развита Достоевским в “Пушкинской речи” и Вяч. Ивановым в его статьях “Байрон и идея анархии”, «О “Цыганах” Пушкина», “Байронизм, как событие русского духа”, “Роман в стихах”. Отдельный интерес представляют размышления Иванова об анархии как высшей форме свободы в связи с последней завершенной поэмой Байрона “Остров”.

Ключевые слова: Байрон, феномен байронизма, Пушкин, типология свободы, Достоевский, Вячеслав Иванов, анархия, “мистический анархизм”, “дикарь”, романтический индивидуализм, утопия, поэма “Остров”, “Цыганы”.

Для цитирования: Муратова Я.Ю. Вячеслав Иванов и феномен байронизма: аспекты свободы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 10–17. DOI: 10.31857/S160578800020753-4

Vyacheslav Ivanov and the Phenomenon of Byronism: Aspects of Liberty

© 2022 Iaroslava I. Muratova

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor of the Maxim Gorky Literary Institute,
25 Tverskoy Blvd., Moscow, 123104, Russia
Y_Muratova@mail.ru

Abstract. The subject-matter of the article is the phenomenon of Byronic work as it is perceived by the Russian outstanding poet-symbolist Vyacheslav Ivanov, particularly the issue of liberty in its specific form of Byronism. It is underlined that in Romanticism the term “liberty” has several gradations – liberty, freedom, independence. In Russian culture Pushkin’s initial evaluation of Byron has been very influential, it combined the admiration of his struggle for independence, appreciation of his style and shrewd criticism of Byronic characters. The Pushkin view of Byron’s legacy was later adopted and developed by Dostoevsky in his *Pushkin Speech* and by Vyacheslav Ivanov in several articles – *Byron and the Idea of Anarchy*, *On Pushkin’s The Gypsies*, *The phenomenon of Byronism in Russian Consciousness*, and the *Novel in Verse*. The article focuses in particular on the ideas of Ivanov about anarchy as the highest form of liberty with regard to Byron’s last completed poem *The Island*.

Key words: Byron, the phenomenon of Byronism, Pushkin, the typology of liberty, Dostoevsky, Vyacheslav Ivanov, anarchy, “mystical anarchism”, “savage”, Romantic individualism, utopia, *The Island*, *The Gypsies*.

For citation: Muratova, Ia.I. *Vyacheslav Ivanov i fenomen bajronizma: aspekty svobody* [Vyacheslav Ivanov and the Phenomenon of Byronism: Aspects of Liberty]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 10–17. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020753-4

Данная статья предлагает коснуться одного из аспектов обширнейшей темы “Байрон и свобода” в контексте русского восприятия байроновского творчества. Нас интересует своеобразный взгляд Вяч. И. Иванова на феномен байронизма, отразившийся в его статьях, вошедших в сборник “По Звездам” (1909): “Байрон и идея анархии”, «О “Цыганах” Пушкина», написанная для 2-го тома сочинений Пушкина в “Библиотеке великих писателей” под ред. С. Венгерова, (1908); “Байронизм, как событие русского духа”, возникшая как речь для заседания петроградского Общества Английского Флага (опубл. 1916), и “Роман в стихах”, написанная сначала по-итальянски в качестве предисловия к итальянскому переводу “Евгения Онегина” и вышедшая в 1937 г. по-русски в LXIII выпуске парижских “Современных записок” вместе с русским текстом речи Иванова “Аспекты красоты и добра в поэзии Пушкина”, произнесенной в этом же году по-итальянски на торжественном собрании по поводу столетия со дня смерти поэта и напечатанной под названием “Два маяка”.

Байрон традиционно воспринимался в России как “певец свободы”. Подобную характеристику можно встретить непосредственно у Пушкина, соединившего фигуру поэта с образами свободы и морской стихии в своем элегическом стихотворении “К морю” (1824), написанном сразу после смерти “оплаканного свободой” английского “властителя наших дум” [1, т. 2, с. 198–200]. Она отражала мятежные настроения участников тайных обществ накануне восстания декабристов, вдохновляла на радикальные действия и быстро закрепилась в среде читающей публики¹. Эта репутация строилась не только на основе мнений литераторов, критиков и просвещенных читателей, но во многом и за счет официальной реакции властей в виде запрета на издание его произведений или очень жёсткой цензуры: так, “Абидосская невеста” была заметно откорректирована

¹ Жирмунский цитирует кн. П.А. Вяземского, который пишет о Пушкине и о Байроне: “Оба поэта были певцами свободы...” [2, с. 22]. “Пророк свободы смелый, Тоской измученный поэт” (Д.В. Веневитинов. “К Пушкину”), “Певец природы, И волн шумящих, и свободы” (И.И. Козлов. “К Вальтер-Скотту”). Цит. по [3]. О вдохновляющем воздействии личности и творчества Байрона на русскую интеллектуальную публику см. [4].

в русском варианте, из русского перевода “Гяура” убрали “Пролог”, на издание “Дон Жуана” был наложен запрет. “Восхищенному вниманию, с которым русское общество следило за действиями Байрона в пользу греческой свободы, и восторженному отклику о нем русских поэтов противостояла, таким образом, не только сложная сеть цензурных запретов и охранительных мероприятий, но и вдохновлявшая их информация Министрства иностранных дел. Это была настоящая борьба общественного мнения и правительственных постановлений за и против Байрона, борьба явных и тайных общественных сил, которую живо ощущали современники и недооценили последующие исследователи политической и культурной жизни 20-х годов” [5, с. 411].

Можно сказать, что в понимании образованного русскоязычного читателя той поры образ свободы, представленный фигурой Байрона, подразумевал, с одной стороны, его политическую позицию, выраженную в горячей защите государственной независимости Греции и непосредственном участии в освободительной борьбе греков против Османской империи; с другой — его новаторство в сфере художественной — разработку жанра лирической поэмы, создание нового типа героя, свежую эмоциональную манеру повествования, в общем, “освобождение от условностей классической поэтики, от бедных и обветшалых правил и схем французского классического искусства” [2, с. 39].

В контексте английского романтизма концепция свободы была тесно связана с теорией Ж.-Ж. Руссо о “естественном человеке” и о возникновении неравенства. Это повлияло на то, что в английском романтическом сознании тема природы логически выводила на проблему свободы: неподконтрольные природные стихии давали созерцающему их поэту надежду на грядущее освобождение человека от социального рабства (Вордсворт и Колридж рубежа XVIII–XIX вв.), “природный порядок” представлялся идеальной моделью будущего свободного человеческого общества (Шелли), в отдельных образах живого мира изображалась свобода от собственной человеческой телесности (Китс). Своеобразная “типология” свободы выражалась через три термина, имеющихся в английском языке для данного понятия: “freedom”, “liberty”, “independence”

[6, p. 203]. Если слово “liberty”, ранее нейтральное, приобрело после революций в Америке и Франции политический оттенок, в радикальных формах близкий русскому “своеволию”, то “independence”, исторически связанное с Гражданской войной в Англии (1642–1651), означало “независимость”, а “freedom” в целом выражало свободу движения и в зависимости от авторского замысла могло быть семантически ближе к “liberty” или “independence”. В глазах современников Байрон как борец за независимость Греции был в семантическом поле “liberty”, тогда как его личностные отношения с миром лучше описываются термином “independence” – “независимость”. Отсюда сквозной мотив бунта, мятежа, восстания байронического героя – от Гяура до Каина и Кристиана – против властного порядка.

Это ясно видел и чувствовал Пушкин. В своих критических статьях и публицистике, посвященных Байрону (черновой набросок “О драмах Байрона” (1827), рецензия «О трагедии Олина “Корсер”» (1827), “Опровержение на критики” (1830), набросок начала статьи “Байрон” (1835)), Пушкин ничего не говорит о свободолюбии творца Чайльд-Гарольда, но отмечает “дерзкое презрение к общему мнению” [1, т. 7, с. 322] как одно из ключевых свойств его натуры. Байрон видится им как “мрачный и сильный характер”, изобразивший самого себя во всех главных героях своих поэм.

Пушкинскую линию в отношении к Байрону, сочетающую восхищение художественным гением и пронизательную критику, продолжит и разовьет в своей публицистике Ф.М. Достоевский. Для него характерно обращение не столько к поэту Байрону, сколько к феномену “байронизма”, и акцент на масштабности, интенсивности и моментальности события: байронизм именуется “великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни и всего человечества” [7, с. 397]. Достоевский продолжает мысль Пушкина о “мрачном гении”: “Это была новая и неслыханная ещё тогда муза мести и печали, проклятия и отчаяния” [7, с. 397]. Но байронизм интересен Достоевскому постольку, поскольку он позволяет объяснить тип “несчастливого скитальца в родной земле”, явившийся у Пушкина в “Евгении Онегине” [8]. Аргументация писателя в Пушкинской речи строится на противопоставлении байронического типа – Онегина – и образа Татьяны Лариной, воплотившей, по мысли Достоевского, все самые высокие черты русского народа. Проблема отчуждения байронической личности от родной земли и корней позже в полной мере реализуется в русских персонажах-нигилистах у Тургенева и Достоевского [9].

Взгляд Достоевского нам важен, поскольку он подводит непосредственно к теме статьи. Во-первых, Достоевский дает байронизму высокую оценку: он отделяет его историческое значение “клапана”, открывшего исход “тогдашней тоске человечества и мрачному разочарованию его в своем назначении и в обманувших его идеалах” [7] от последующих нигилистических форм его развития. Во-вторых, байронизм интересен Достоевскому в его русском, в первую очередь пушкинском, варианте, разговор о Байроне выводит на Пушкина. Эта модель будет учитываться Вячеславом Ивановым, говорившим о своей “страсти к Достоевскому” [10, с. 29], для которого Достоевский был своего рода духовным “маяком”. Есть что-то символическое в том, как на открытии памятника Пушкину 6 июня 1880 г. встретились эти три великих русских художника: юный Иванов, зрелый Достоевский и бронзовый Пушкин.

Интерес Вяч. И. Иванова, поэта-символиста и блестящего филолога, “сверхфилолога”, как его назвал Бердяев [13, с. 280], к творчеству Байрона многоаспектен. Имеется довольно большой корпус ивановских переводов из байроновского наследия: стихи “Прости!” (“Farewell! If ever fondest prayer”), “Разлука” (“When we two parted”), “Романс” (“I speak not, I trace not, I breathe not thy name”), “Романс” (“Юлиан. Отрывок” “Julian. A Fragment”), “Романс” (“There’s not a joy the world can give”), “Романс” (“Bright be the place of thy soul...”), “Романс” (“They say the hope is happiness”) и поэма “Остров, или Христиан и его товарищи” (“The Island, or Christian and his comrades”, 1823), а также названные в начале статьи работы в жанре философской публицистики и литературоведческого исследования [11]. Немаловажен и биографический аспект – в судьбе английского и русского поэтов есть немало созвучных моментов: значительную часть жизни оба были по разным причинам добровольными скитальцами за пределами своей страны и нашли в Италии место эстетической и душевной гармонии, оба нередко заходили за черту общепринятых правил, оба несли тяжкий груз бракоразводных процессов и глубоко переживали сковывающее действие общественных норм². Проблема свободы, ее

² После одного года семейной жизни с Анной Изабеллой Милбенк и скандального развода в 1816 г. Байрон сразу покинул пределы Англии и больше туда не возвращался. Вяч. Иванов уехал учиться в Берлин в 1886 г. и вернулся в Россию из Европы в 1904 г., за это время он развелся с первой женой, Дарьей Дмитриевской, и женился на Лидии Зиновьевой-Шварсалон, бывшей прежде замужем и имевшей детей. После ее смерти в 1908 г. женился на падчерице Вере Шварсалон.

природы и форм занимала ницшеанца Иванова, автора диссертации по культу Диониса, не меньше, чем участника кружка итальянских карбонариев, борца за греческую независимость Байрона.

В статьях сборника “По звездам” Иванов исследует разные варианты свободы в произведениях поэтических “звёзд” — байроновской поэме “Остров” (“Байрон и идея анархии”) и “Цыганах” Пушкина («О “Цыганах” Пушкина»). Написанная в пору первой мировой войны речь “Байронизм, как событие русского духа” звучит как трактат-манифест анархизма, где автор сплавляет мысли из предшествующих статей об анархической утопии и славянской соборности с настроениями и чаяниями исторической обстановки³. Поздняя работа “Роман в стихах” представляет собой развернутый анализ-комментарий “Евгения Онегина” для итальянских читателей, где Иванов возвращается к вопросу использования байроновских моделей русским поэтом. Мы не будем придерживаться хронологического порядка статей в освещении того, как складывалась идея анархической свободы у Иванова, а постараемся передать ее образ, сложившийся к 1916 г. (“Байронизм, как событие русского духа”), обращаясь за примерами к его работам по “Острову” и пушкинским поэмам.

Юношеский мощный порыв в революцию и нигилизм, завершившийся отъездом для учебы в Берлин и почти двадцатилетним странствием по европейскому континенту, сублимировался у Иванова в высшие формы “мистического анархизма”: «<...> мирно-анархическое начало, не исключаемое славянофильской соборностью “с оттенком либеральным”, но ею <...> предполагаемое, есть органическая константа всего его пути» [10, с. 37].

Анархия трактуется Ивановым в духе самоосознанной соборности — наивысшей формы свободы и является полной противоположностью самоволию индивидуализма, с одной стороны, и “самодовольному культу государственности” [10, с. 37] — с другой. Путь анархии дает “возможность примирения личной воли и воли соборной в торжестве безвластия или безначалия, идея синтеза обоих начал — личного и соборного — в общине анархической” [11, с. 284]. Анархическое сознание зиждется на триаде Божьего “Аз есмь”, человеческого “аз есмь” и

³ «Вяч. Иванов связывал с войной надежды на усвоение Россией и вообще “славянством” британского чувства личной свободы (“Байронизм как событие в жизни русского духа”), на “славянскую мировщину”, т.е. освобождение Польши и ее примирение с Россией...» [10, с. 88].

объединяющего вселенского “ты еси” [11, с. 295]. “Анархия, если она не мятеж рабов, должна утверждаться как факт в плане духа”, что подразумевает совершенное духовное очищение личности «и высветление индивидуального сознания, при котором человеческое я отмечает из своего самоопределения все эгоистически-случайное и внешне обусловленное и многообразными путями “умного делания” достигает чувствования своей глубочайшей, сверхличной воли, своего другого, сокровенного, истинного я» [11, с. 320].

Историческая миссия байронизма, вышедшего из Англии, “наставницы народов в науке свободы” [11, с. 292], для общинного славянства и в особенности для России состояла в том, чтобы утвердить самоценность личности и её индивидуальную свободу: “Для славянства он был огненным крещением духа, первую врезавшуюся в сердца, как раскаленная печать, вестью об извечном праве и власти человеческой личности”, — пишет Иванов [11, с. 292], раскрывая смысл слов Достоевского о необходимости и святости байронизма для Европы [7, с. 397]. В героях Байрона, верящего в “личного живого Бога” [11, с. 294], утверждается принцип человеческого достоинства, вытекающий из божественности самого человека. И это достоинство исключает рабскую зависимость и от личной воли другого человека (тирания), и от воли множества (демократическое принуждение). Для общинного типа сознания, не знающего индивидуальной воли, самодовление, самоначалие байроновского героя, который руководствуется своими собственными убеждениями, желаниями и страстями, было необходимым этапом духовного развития. Богоборчество Байрона в глазах “мистического анархиста” Иванова выражало максимальную степень развитости “аз есмь”, достигшую таких титанических масштабов, что личности стало тесно в границах собственного бытия, как духовного, так и телесного. Изгнанничество, “мировая тоска” и странствия байроновских героев и самого поэта являются выражением определенной личностной переразвитости, не находящей места в своей жизни.

“Байронова проблема свободы, как проблема самоутверждающегося бытия и самоопределяющегося характера, в ее наиболее чистой и жизненной форме” [11, с. 294] долго не находит решения в произведениях английского поэта. Центральные герои байронического типа: Гяур (“Гяур”, 1813), Селим (“Абидосская невеста”, 1813), Конрад (“Корсар”, 1814), Лара (“Лара”, 1814), Альп (“Осада Коринфа”, 1816), Манфред (“Манфред”, 1817),

Каин (“Каин”, 1821) – погибают или становятся изгнанниками. Своеволие, не ограниченное высшими началами (“Аз есмь”) и не освященное никакими сердечными чувствами, становится разрушительным для мира и самого себя.

“Загадка Сфинкса” – так обозначил Иванов байроновский конфликт между самоопределяющей личностью и обществом [11, с. 295] и ответ на нее находил в пушкинском творчестве. В двух блестящих работах – «О “Цыганах” Пушкина» и “Роман в стихах” – исследователь дает глубокий анализ “раскола” Пушкина с Байроном и поиска собственных начал, философского и поэтического самоопределения. Для русского поэта, сложившегося под влиянием ясного и строгого французского канона эпохи Просвещения, байронизм знаменовал переход к новым “дискурсам” постреволюционного века. Прежде всего, он дал создателю “Цыган” “чисто техническое обогащение”, расширил “внешнепоэтический диапазон”: “Байрон открыл Пушкину-художнику много формальных средств и приемов, новый ритм лирического и эпического движения в ходе повествования и в течении речи. Наш поэт подражает ему и в обрисовке лиц и положений, и в стиле описаний, в отступлениях и переходах, в паузах и поэмах” [11, с. 308]. Что касается нового героя – “гордого человека” (в характеристике Достоевского), то Пушкин отразил этот тип в характерах Алеко и Онегина, дав ему собственную оригинальную интерпретацию и оценку, причем более определенно и радикально, как утверждает Иванов, нежели сам Байрон или французские романтики.

Важно отметить, что начатые в 1824 г. в Одессе “Цыганы” дописывались в Михайловском осенью того же года параллельно с работой над “Борисом Годуновым” и “Евгением Онегиным”, и проблема “гордого человека” мыслилась Пушкиным в этот период уже значительно шире и сложнее с учетом русского исторического контекста и духовной традиции, чем просто конфликт индивидуалиста и анархической цыганской общины. Пушкин сопоставляет два типа свободы: “байроническое свободолобие” Алеко и “естественную вольность детей природы” [11, с. 302]. В первом случае свобода заключена в сферу собственных интересов и чувств, во втором она пронизывает каждую отдельную личность общины, объединяет и ведет, поскольку строится на триаде Божественного, личностного и вселенского. Таким выразителем высших анархических начал в поэме является старый цыган, принявший “бегущего от закона” Алеко в табор и отдавший ему свою дочь. В самой цыганской общине, как она показана

Пушкиным, вольно кочующей по степям со своим скупым скарбом, неподотчетной никому и никому не навязывающей своих правил, Иванову видится идеал человеческого общежития, пусть лишенного материальных благ, зато владеющего подлинной свободой. Цыгане тоже странники, не примкнувшие к гражданским институтам, отвергаемые общественным порядком за свою вольность, но странничество пушкинских цыган иного порядка, нежели отверженность Алеко или какого-нибудь байронического героя. Им чужд мрачный индивидуализм байронического героя, но и карательная система гражданского общества им чужда: “Мы дики; нет у нас законов; / Мы не терзаем, не казним; / Не нужно крови нам и стонов...” [1, т. 4, с. 233–234]. Для ссыльного Пушкина в образе этих “приверженцев первобытной свободы” [1, т. 7, с. 20] отразились его собственные мечты о независимости; для Иванова это был даже не табор, а “община”, воплощающая высшие чаяния мистического анархизма, в котором поэт-символист видел преодоление байронизма – “русский ответ” на коварную загадку Сфинкса.

Во многих отношениях, таких как изображение дикой экзотики, “первобытных” народов, оппозиция общественного и индивидуального, закона и свободы, мотив утопии, музыкальность художественного языка, поэма “Цыганы” близка “Острову”. Написанная Байроном за год до смерти поэма “Остров, или Христиан и его товарищи”, рассказывающая о действительном мятеже на корабле “Баунти” в южных морях в 1789 г., отмечается Ивановым как явление особенное, как “новое исповедание прав”, “как одна из любопытнейших форм Байронова утверждения свободы” [11, с. 283]. В “Острове” показан как идеальный сценарий для самостоятельной личности, так и предупреждения об опасностях самоволия. Христиан поднимает бунт на корабле и ведет команду к берегам Таити, где “рай избыточных плодов” и “без межей земля” [12], “где нет ни власти над людьми, ни суда и законного принуждения” [11, с. 282]. В поэме поиски преступной свободы приводят Христиана к гибели его самого и части его друзей, в отличие от реального Флэтчера Христиана, укrywшегося на острове Питкэрн. Однако основная линия “Острова” связана с вымышленным персонажем Торквилем, который спасается благодаря любви Ньюги, дочери местного вождя, и ему дано познать утопическую идиллию земного рая. Таким образом, байроновский индивидуализм находит для себя выход в мифе о “золотом веке всеобщего мира и счастья без законов” [11, с. 286], в первобытной общине “дикарей”. “Я очень упростил свою

политику в смысле полной ненависти ко всем существующим правительствам, — цитирует русский поэт английского. — Первый момент общей республики обратил бы меня в защитника деспотизма. Дело в том, что богатство — сила, а бедность — рабство. По всей земле, тот или другой образ правления для народа не хуже, не лучше” [11, с. 288]. Оригинальность поэмы, неочтенная до конца, как замечает Иванов, достигается удивительным синтезом поэтической выразительности, сказочно-мифологических мотивов и политических тем, вобравших в себя анархические проекты П.Б. Шелли и У. Годвина.

Примечательно, что Иванов возвращается к Байрону всякий раз, когда ему нужно прояснить что-либо по творчеству Пушкина. Так, в статье “Роман в стихах” для объяснения итальянским читателям, что такое “Евгений Онегин”, ему требуется сопоставить байроновский романтический стиль в поэме “Дон Жуан” и пушкинский новый реалистический язык в “Евгении Онегине”. Своеобразие байроновской поэтической манеры очаровывает Пушкина, копируется им и, вместе с тем, побуждает его к собственным экспериментам, что ярче всего проявилось на уровне жанра. По мысли Иванова, английский поэт в поисках новых форм выражения обратил свой взор в сторону прозы, что обозначилось в попытке встроить “Чайльд-Гарольда” в формат рыцарской литературы (обозначенный в подзаголовке поэмы средневековый “romant”), лирических отступлениях и потом в реализме и натурализме “Дон Жуана”, несовместимых с привычной поэтической нормой. Однако вместе с новаторскими приемами Байрон использовал спенсерову строфу и октаву — инструменты эпической поэзии, в его героях узнавался сам мрачный, разочарованный и мятежный автор, его сатирический натурализм выходил из романтической иронии; иными словами, Байрон остался в границах романтической парадигмы. Тогда как Пушкину было свойственно “органическое и как бы эллинское чувство меры и соответствия, в особенности же изумительная способность непосредственного и безошибочного различения во всем — правды от лжи, существенного от случайного, действительного от мнимого” [11, с. 326]. Избегая широких театральные жестов и титанического размаха, он дает реалистическую панораму повседневной жизни своего героя, “одного из рядовых люциферов обыденности” [11, с. 326], общества и самого рассказчика. Это невозможно сделать, не обратившись к романному началу, которое дает писателю оптику объективного наблюдения и анализа и открывает перспективу

развития и трансформации характера. Так происходит преодоление романтизма и вход в новую художественную парадигму реализма, Пушкин, по определению Иванова, стоит у истоков русского романа. Снова и снова Иванов подчеркивает, что байроновское интеллектуальное и творческое вольнолюбие открыло для Пушкина новые пути в литературе, но вектор духовного движения русского поэта был совсем иной, противоположный романтическому богоборчеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); 3-е изд. М.: Наука. 1962–1965.
2. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 425 с.
3. *Рак В.Д.* Байрон // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18–19. 2004. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/isj-abc/isj/isj-0381.htm>
4. *Люсова Ю.В.* Рецепция Д.Г. Байрона в России 1810–1830-х годов. Автореф. канд. диссертации. Нижний Новгород, 2006. URL: <https://www.dissertat.com/content/retseptsiya-dg-bairona-v-rossii-1810-1830-kh-godov/read>
5. *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М.: Наука, 1982. 870 с.
6. *Beer J.* Nature and Liberty: The Nature of Unstable Concepts. The University of Chicago Press. The Wordsworth Circle, Autumn 1983, Vol. 14, No. 4 (Autumn 1983), pp. 201–213.
7. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1877 год. Декабрь. Глава II. Пушкин, Лермонтов и Некрасов. С. 397–405. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1877_год_\(Достоевский\)/Декабрь/ГЛАВА_ВТОРАЯ_II](https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1877_год_(Достоевский)/Декабрь/ГЛАВА_ВТОРАЯ_II)
8. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1880 август. Глава вторая. Пушкин. Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей русской словесности // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 425–440. URL: https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol14/02journal_80/331.htm
9. *Коньшев Е.М.* Байроническая личность в изображении Тургенева и Достоевского // Учёные записки Орловского государственного университета. 2013. № 2 (52). С. 193–198.
10. *Аверинцев С.С.* “Скворещниц вольный гражданин”. Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. 167 с.

11. Иванов В.И. Собр. соч. в 4 т. Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт (том IV при участии А.Б. Шишкина). Т. 4. Брюссель, 1987. 804 с.
12. Байрон Дж. Г. Остров, или Христиан и его товарищи. Пер. Вяч. Иванова // Иванов В.И. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1981. URL: http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron3_10.txt
13. Иванов В.И. Борозды и межи. М.: Академический проект, 2021. 557 с.
14. Болтовская Л.Н. Образ свободы в творчестве А.С. Пушкина и Д.Г. Байрона // Христианское чтение. 2015, № 4. С. 186–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-svobody-v-tvorchestve-a-s-pushkina-i-d-g-bayrona/viewer>
15. Козмин Н. Пушкин о Байроне (Речь на юбилейном заседании Научно-Исследовательского Института 6 июня 1924 года) // Пушкин в мировой литературе: Сборник статей / Науч.-исслед. ин-т сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленингр. гос. ун-те. Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 99–112. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=k116dvw64Uc%3D&tabid=10396>
16. Lord Byron. The Island, or Christian and his comrades // The Collected Poems of Lord Byron. Wordsworth Editions Limited, 1994.
6. Beer, J. Nature and Liberty: The Nature of Unstable Concepts. The University of Chicago Press. The Wordsworth Circle, Autumn 1983, Vol. 14, No. 4 (Autumn 1983), pp. 201–213.
7. Dostoevsky, F.M. *Dnevnik pisatelja. 1877 god. Dekabr'. Glava II. Pushkin, Lermontov i Nekrasov* [A Writer's Diary. 1877 December. Pushkin, Lermontov and Nekrasov]. Pp. 397–405. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1877_год_\(Достоевский\)/Декабрь/ГЛАВА_ВТОРАЯ_II_\(In_Russ.\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1877_год_(Достоевский)/Декабрь/ГЛАВА_ВТОРАЯ_II_(In_Russ.))
8. Dostoevsky, F.M. *Dnevnik pisatelja. 1880 avgust. Glava vtoraya. Pushkin. Proizneseno 8 iyun'a v zasedanii liubitelej russkoj slovestnosti* [A Writer's Diary. 1880 August. Second Chapter. Pushkin. Reported June 8 at the Meeting of the Society of Russian Literature Amateurs]. Dostoevsky, F.M. Collected Works in 15 Vols. St. Petersburg, Nauka Publ.] 1995. V. 14, pp. 425–440. URL: https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol14/02journal_80/331.htm (In Russ.)
9. Konyshchev, E.M. *Byronicheskaia lychnost' v izobrazhenii Turgeneva i Dostoevskogo* [Byronic Personality as pictured by Turgenev and Dostoevsky]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Orlov State University]. 2013, No. 2 (52), pp. 193–198. (In Russ.)
10. Averintsev, S.S. “Skvoreshnitz vol'nyj grazhdanin” Vjatcheslav Ivanov: put' poeta mezhdru mirami [“A Free Citizen of Starling Houses” Viatcheslav Ivanov: the Poet's Way between the Worlds]. St. Petersburg, Alteiya Publ., 2002. 167 p. (In Russ.)
11. Ivanov, V.I. *Sobr. soch. v 4 t. Pod red. D.V. Ivanova i O. Deshart (tom IV pri uchastii A.B. Shishkina)* [Collected Works in 4 Vols. Ed. by Ivanov, D.V. and O. Deshart (IV Vol. with Participation of Shishkin, A.B.). Vol. 4]. Brussels, 1987. 804 p. (In Russ.)
12. Byron, G.G. *Ostrov, ili Christian i ego tovarichi. Per. Vijach. Ivanova* [Lord Byron. The Island, or Christian and His Comrades. Transl. by Vjatcheslav Ivanov]. Collected works in 4 Vols. Vol. 3. Moscow, Pravda Publ. 1981. URL: http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron3_10.txt (In Russ.)
13. Ivanov, V.I. *Borozdy i Mezhy* [Furrows and Borders]. Moscow, Akademicheskij Proect Publ., 2021. 557 p. (In Russ.)
14. Boltovskaiya, L.N. *Obraz svobody v tvorchestve Pushkina i G.G. Byrona* [The Image of Liberty in the Work of Pushkin and Lord Byron]. *Christianskoye chteniye* [Christian Reading]. 2015, No. 4, pp. 186–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-svobody-v-tvorchestve-a-s-pushkina-i-d-g-bayrona/viewer> (In Russ.)
5. Alekseev, M.P. *Russko-anglyiskie literaturnie svyazy (XVIII vek – pervaiya polovina XIX veka)* [Russian-English Literary Communications (the 18th century – first half of the 19th century). Moscow, Nauka Publ., 1982. 870 p. (In Russ.)
15. Kozmin, N. *Pushkin o Byrone (Retch' na jubileinom zasedanii Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta 6 iyunia 1924 goda)* [Pushkin on Byron (A Report at the Anniversary Meeting of Scientific Institute, June 6, 1924)]. *Pushkin v mirovoj literature: Sbornik*

REFERENCES

statey. Nauchno-Issled. In-t sravnitel'nogo izuchenia literatur Zapada i Vostoka pri Leningradskom gos. un-te [Pushkin in World Literature: Collected Articles. Scientific Institute of Comparative Studies and Languages of West and East at the Leningrad State Univ.]. St. Petersburg, State Publ., 1926, pp. 99–112.

URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=k116dvw64Uc%3D&tabid=10396> (In Russ.)

16. Lord Byron. *The Island, or Christian and his comrades. The Collected Poems of Lord Byron.* Wordsworth Editions Limited, 1994.

Дата поступления материала в редакцию: 11 апреля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 апреля 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.

Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on April 11, 2022

Revised on April 25, 2022

Accepted on April 29, 2022

Date of publication: June 30, 2022